

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №4, Том 11 / 2020, No 4, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/42FLSK420.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Румянцева Л.И. Пространственная поэтика русской литературы о Якутии // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/42FLSK420.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Rumyantseva L.I. (2020). Spatial poetics of Russian literature about Yakutia. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/42FLSK420.pdf> (in Russian)

УДК 821.161.1

ГРНТИ 17.09.91

Румянцева Лена Иннокентьевна

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Якутск, Россия
Доцент

Кандидат филологических наук

E-mail: rumlena162@mail.ru

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=918920

Пространственная поэтика русской литературы о Якутии

Аннотация. Данная статья выявляет особенности воплощения пространственной парадигмы Якутии в значимых текстах русской литературы с учетом современного междисциплинарного подхода к изучению пространственно-временного континуума произведения. Исследование особенностей пространственной поэтики текста потребовало обращения к фундаментальным трудам по поэтике художественного пространства М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, новейших междисциплинарных концепций культурного ландшафта и семантики геообраза Ю.А. Веденина, В.Л. Каганского, В.Н. Калуцкова, Д.Н. Замятина, О.А. Лавреновой и др. На материале произведений К. Рылеева, И. Гончарова описаны пространственные модели, определяющие особенности пространственной картины Якутии в русской литературе. Автором представлен анализ структуры геообразов Якутска, определены их свойства. Установлено, что романтический контекст поэмы Рылеева «Войнаровский», благодаря внедрению разных типов персонажей, совмещает черты вынужденного путешествия-ссылки и путешествия-экспедиции, формируя, с одной стороны, ситуацию топофобии и топофилии – с другой стороны. Очерки И.А. Гончарова воссоздают реалистическую картину быта и нравов Якутска XIX века. Лейтмотивы «холод», «дикость», «угрюмство», присущие восприятию героя Рылеева, в очерках сменяются мотивами «добродушие», «здоровье», «энергия», присущих «природным сибирякам» и якутянам. В литературе XX века северо-восток Якутии выступает как воплощение мощи и природного богатства и как место ссылки, каторги. Творческая рефлексия в художественных и автобиографических произведениях В. Шаламова, А. Жигулина и других писателей, прошедших через ГУЛАГ, обусловлена необходимостью преодоления личного негативного опыта, в связи с этим в стихах и прозе преобладают мотивы страдания и тяги к жизни, смерти и воскрешения.

Ключевые слова: пространственная поэтика; пространственная модель; геообраз; топофилия; топофобия; Якутия; русская литература

Введение

Пространственно-временные отношения в художественном произведении являются важнейшим инструментом концептуального преломления реальной действительности и напрямую связаны с особенностями индивидуального выражения мировоззренческой позиции автора. Вместе с тем пространство и время представляют собой наиболее фундаментальные характеристики объективной реальности. Анализ пространственной структуры художественных произведений выполнен с опорой на исследования области художественного пространства и текста М.М. Бахтина, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, Ю.М. Лотмана [1–4].

Представления о пространстве и времени исторически изменчивы. Перспективным направлением современного литературоведения является исследование пространственно-временных модификаций, характеризующихся некоей семантической и структурной однородностью, сходством или различием способов экспликации. В течение ряда лет появились работы, исследующие взаимодействие географического и художественного пространства в конкретном, символическом и прагматическом аспектах. Системное исследование культурного ландшафта Якутска осуществляется в соответствии с инновационными концепциями культурного ландшафта, восходящими к трудам Ю.А. Веденина, В.Л. Каганского, В.Н. Калущкова [5].

Методы

В разработке междисциплинарной методологии взаимодействия литературного текста и географического пространства при определении понятий «культурный ландшафт», «геообраз», «геопоэтика» за основы взяты фундаментальные труды по культурной и гуманитарной географии Ю.Н. Гладкого, Д.Н. Замятина, Н.Ю. Замятиной [6]. Проблема взаимоотношения культуры и пространства изучена в исследованиях О.А. Лавреновой [7] в семиотическом, герменевтическом и идеонациональном подходах.

Результаты

Якутия формирует особое восприятие времени и пространства, привлекая внимание природными особенностями края – суровостью климата, труднодоступностью, отдаленностью, исторической памятью как «тюрьмы без решеток», которую запечатлели несколько поколений политических ссыльных: декабристы, революционеры-разночинцы и большевики и жертвы политических репрессий советского времени. Поэтому в становлении пространственной модели Якутии и Якутска преобладали черты изолированности, островитянства, оторванности от внешнего мира. Тексты художественной литературы, созданные А.А. Бестужевым-Марлинским, Н. Чижевским, К.Ф. Рылеевым, И.А. Гончаровым, В.Г. Короленко, П.Л. Дравертом, В.Л. Серошевским, В.Т. Шаламовым, А.В. Жигулиным, А.И. Алдан – Семеновым, художественно зафиксировали ландшафт, символику пространства, топосы и локусы Якутска и его окрестностей, в результате возникает впечатляющая картина особой «цивилизации», маркерами которой выступают, с одной стороны, «холод», «отдаленность», «лишения», «одиночество», с другой – «дружелюбие», «взаимовыручка».

В романтическом контексте поэмы К.Ф. Рылеева «Войнаровский» (1823–1824) были закреплены мотивы «суровой, дикой, угрюмой природы», «унылого, глухого города», в котором «житель одичалый» влачит тоскливое существование. Эпиграф к поэме, воспроизводящий цитату из «Божественной комедии» Данте: «Нет большего горя, чем вспоминать о счастливом времени в несчастье», определяет ключевую оппозицию: счастливое время, проведенное в родном краю/время несчастья и лишений, связанное со ссылкой в Якутск.

Образ родного пространства представлен лейтмотивами степи: «О край родной! Поля родные». Типу открытого пространства противопоставлена чужая земля: «край дубрав и гор кремнистых». Структура Якутска представлена образами православного храма, креста как сакрального центра, частокола как знака освоенного культурного пространства, противостоящего стихийному хаотическому миру. Сакральными локусами являются православные храмы, сооружения Якутского острога, в частности, сохранившаяся надвратная башня острога: «На берегу широкой Лены, // Чернеет длинный ряд домов // И юрт бревенчатые стены. // Кругом сосновый частокол // Поднялся из снегов глубоких, // И с гордостью на дикий дол // Глядят верхи церквей высоких» [8].

В целом оппозиции *свой/чужой*, *освоенный/дикий* составляют ядро пространственного континуума произведения Рылеева. Особенности формирования модели пространства в художественном произведении не в последнюю очередь зависят от типа предпринятого знакомства с новыми территориями, с первоначальными установками восприятия другого мира, условий и специфики передвижения. Ситуация вынужденного пребывания в чужом краю формирует топофобию лирического героя поэмы К. Рылеева, что получает отражение в характере поэтического описания Якутии. Лейтмотивами поэмы становятся эпитеты с негативной семантикой: «суровый», «дикий», «угрюмый», «сердитый», «мрачный», «безотрадный».

Всегда сурова и дика

Сих стран угрюмая природа;

Ревет сердитая река,

Бушует часто непогода,

И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,

Обширной узников тюрьмы,

Не посетит, боясь зимы

И продолжительной и хладной. [8]

Вместе с тем очевидно, что сознание автора достаточно многомерно, включает в себя и субъективное восприятие территории героем, и в то же время стремится к объективности. Так, в поэме впервые возникает описание Якутска как места «согласного» сосуществования разных народов. Здесь на ярмарке встречаются «якут и юкагир пустынный», «лесной тунгуз» и «сибирский строевой казак» [8]. Тем самым отчасти нивелируется оценка якутского края как пустынного, отдаленного, изолированного.

Сложность и неоднозначность авторского видения связана с введением еще одного персонажа – Герхарда-Фридриха Миллера, прибывшего в Якутск в составе экспедиции, инициированной Петербургской Академией наук. Это образ исследователя, открывшего ученому миру географию, этнографию и историю народов, населяющих Сибирь. Якутия для этого персонажа – область научного познания, здесь он «работал для веков», открывая в «царстве хлада и снегов» красоту природы и простоту нравов. «Дикость» как характеристика природы и человека в восприятии Миллера перестает соотноситься с исключительно негативной оценкой. Он видит подробности, замечает конкретные проявления особенностей жизни на севере. В частности, можно отметить характерное введение топонима в описание пейзажа: солнце уходит за «Кангалацкий камень». В этом случае тип восприятия пространства

определяет структуру и свойства образа. Ситуация путешествия-экспедиции определяет и установку на восприятие геопространства как объекта научного познания:

Здесь **наблюдал** природу он.

В часы суровой непогоды

Любил рассказы стариков

Про Ермака и Козаков,

Про их отважные походы

По царству хлада и снегов.

...

Следил, как солнце, яркий пламень

Разлив по тверди голубой,

На миг за Кангалацкий камень

Уходит летнею порой.

Все для пришельца **было ново**:

Природы дикой красота,

Климат жестокий и суровый

И диких нравов простота. [8]

Характеризуя типологию образов географического пространства, Д. Замятин отмечает, что в процессе целенаправленного путешествия происходит смешение образных слоев, и ни один из них не является единственно истинным образом. Ландшафт, возникающий в поле зрения наблюдателя, способствует расширению пространства, преодолению узости и субъективности восприятия и его элементы являются мощными самодостаточными геокультурными образами [9, с. 15–16]. Описание половодья на реке Лене является таким образом, который преобразует прежние установки и предвзятое восприятие лирического героя:

Видал ли ты, когда весной,

Освобожденная из плена,

В берегах крутых несется Лена,

Когда, гоня волну волной

И разрушая все преграды,

Ломает льдистые громады

Иль, поднимая дикий вой,

Клубится и бугры вздымает,

Утесы с ревом отторгает

И их уносит за собой,

Шумя, в неведомые степи? [8]

Примечательно, что в результате смены восприятия герой начинает и свою личность соотносить с описываемым геокультурным образом. В тексте поэмы этот процесс передается с помощью сравнений и образного параллелизма, возникающих как в сфере авторской речи, так

и в репликах персонажа. Например, Войнаровский о себе: «Я одряхлел, я одичал, / И, как климат сибирский, стал / В своей душе жесток и хладен» [8].

Произведение К.Ф. Рылеева особым образом совмещает черты вынужденного путешествия (ссылка) и путешествия-экспедиции, в результате чего возникает сочетание исторической конкретности, поэтической романтики и географической точности пространства. По утверждению Л.К. Чуковской, интерес К.Ф. Рылеева, будущего декабриста, к якутской теме был, скорее, не поэтический, а политический. Рылеев и его единомышленники, задумываясь о будущем России, всерьез рассматривали планы экономического преобразования Сибири, используя пушные промыслы, торговлю, развитие горнозаводского дела. В работе над поэмой он использовал труды экспедиций, организованных Российской академией наук, изучал сочинения путешественников по Якутии, возможно, и «Описание сибирского царства» Г.Ф. Миллера. Точность и достоверность описаний гор, рек, климата, весеннего половодья, охоты, населения Якутска почерпнуты, по предположению Л.К. Чуковской, из бесед с Г.С. Батеньковым, В.И. Штейнгелем, уроженцами Сибири, будущими декабристами [10, с. 27].

Художественные произведения, очерки и письма еще одного декабриста – А.А. Бестужева-Марлинского, сосланного в 1827 году в Якутск и прожившего здесь полтора года, составили значительную часть якутского текста русской литературы XIX века. Баллада «Саатырь» (1828) интерпретирует якутское предание о том, как была наказана неверная жена, притворившаяся мертвой, чтобы ввести в заблуждение мужа и воссоединиться со своим возлюбленным. Романтический авантюрный сюжет, фольклорная стилистика, введение экзотической (якутской) лексики, условно-символический пейзаж, тема роковой страсти вполне соответствовали романтическим установкам предшествующего художественного творчества А.А. Бестужева, однако его сибирские очерки свидетельствовали об изменении стилистики и поэтики в целом, предъявляя образцы реалистической прозы, обладающей богатой и достоверной фактографией и пафосом открытия нового мира, сурового, порой жестокого, но полного мощи и величия. А.А. Бестужев первый описал путешествие от Якутска до Колымы в сорокоградусный мороз: «по дремучим лесам и тундрам неизмеримым, не видя человеческого лица, не преклоняя головы под кров в течение трех месяцев; в беспрестанной опасности быть замечену вьюгою на пути или стать жертвою диких зверей на ночлеге, или, что хуже всего, потеряв коней от недостатка подснежного корма, погребстись заживо в безбрежной пустыне...» [10, с. 37]. По своей опасности этот маршрут, по которому ежегодно проезжает соотечественник, превосходит поездку иноземного купца по знойной степи Африки или Аравии, не скрывая иронии писал А.А. Бестужев. Новое качество прозы писателя, как видим, в определенной мере опередило взлет и долгое доминирование реалистического очерка, произошедшее в 1840-е годы.

Очерковая проза И.А. Гончарова, связанная с Якутией, представленная не только «Фрегатом Палладой», но и очерком «По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске» (1891) создавалась в эпоху расцвета жанра путешествия, когда были освоены классические приемы художественного описания географического пространства. Важнейшей основой очерка-путешествия становится обстоятельная картина быта и нравов городов и местностей. В своем очерке Гончаров запечатлел «физиологию» чиновничьего Якутска, проводя сравнение с чиновничьим Петербургом, отметил всю тяжесть чиновничьего «ига», которое сполна вкусили сибиряки, не знавшие крепостного права.

Гигантское пространство Якутии, раскинувшееся «с Ледовитого моря с одной стороны, до Восточного океана с другой и до подножия Станового хребта с третьей» [10], по мнению Гончарова, требовало «энергии, силы воли, железного характера, вечной бодрости, крепости, свежести лет и здоровья» [10]. Этот особый «сибирский отпечаток» отличает «природного» якутянина, ему свойствен оригинальный свободный взгляд на мир, независимый характер,

физическое здоровье. Вот характерный пример описания якутянина: «плотный, высокого роста, коренастый, с красноватым здоровым лицом», «блистал здоровьем, как лучами», «вошел ... свободно, с шиком, свойственным сибирякам» [10]. Наблюдая «настоящих сибиряков в их собственном гнезде», И.А. Гончаров выделяет доброту, хлебосольство, радушие «природных сибиряков» как главную черту их характера. Несмотря на то, что описываемые события отстоят от повествователя почти на 30 лет, картины встреч, застолий свежи, а диалоги живы, выразительны и ироничны. На фоне описаний многочисленных обедов и ужинов, обильных возлияний, носящих подчеркнuto бытовой характер, выделяется эпизод с архиереем Иннокентием Вениаминовым, благословляющего арестантов. Владыка Иннокентий предстает как «мощная фигура», призванная гуманизировать Сибирь, «истинный апостол-миссионер» [4]. Красочные натуралистичные зарисовки быта и нравов Якутска перемежаются с мыслями о необходимости более рационального и осмысленного освоения огромной территории, со стремлением видеть эту землю обихоженой и удобной для проживания.

Север в течение многих десятилетий выступает как воплощение мощи и природного богатства и как место ссылки, каторги, страдания и неволи. Являясь «царской тюрьмой» и местом трудовых лагерей во время сталинских репрессий (30–50-е гг. XX века), Яно-Колымский регион Якутии ассоциируется со страданием, нечеловеческими условиями жизни и тоской по родине. Литература XX века фиксирует негативное восприятие Якутии как пространства смерти, несвободы. Творческая рефлексия в художественных и автобиографических произведениях писателей, прошедших через трудовые лагеря обусловлена необходимостью преодоления личного негативного опыта. Поэтому наряду с мотивами обреченности, рабского труда, голода, страданий с особой силой звучат мотивы воскресения, сопротивления, отчаянной тяги к жизни. Пространственные символы имеют визуальные, чаще флористические и природные формы: кедровый стланик, ветка лиственницы (В. Шаламов), черные камни, сосны (А. Жигулин). Пространство памяти и культуры становятся теми опорами, которые дают человеку возможность преодолеть и выжить в чудовищных условиях лагеря.

Творчество русского писателя, поэта, журналиста А.И. Алдан-Семенова принадлежит к малоизвестным явлениям литературы XX века. Семнадцать лет его жизни прошли в трудовых лагерях на Колыме, на золотых приисках и оловянных рудниках. Его стихи и проза, создававшиеся с 1930-х по 1980-е годы, сегодня забыты, неизвестны даже исследователям русской советской литературы. Однако его произведения запечатлели образ северного края, города Якутска, Оймяконья в особом, присущем только ему видении. Несмотря на все испытания, выпавшие на долю писателя, Север, Дальний Восток занимают значительное место в его творчестве. В поэтических сборниках «Северная поэма», «Северо-Восток», «Северная сказка», «Ветры в березах», «Метель и солнце», «Бессонница странствий» и других раскрыты красота колымской природы, трудовой подвиг покорителей Севера. Лейтмотивный образ Севера является организующим началом его прозы, объединенной в сборниках «Закон дружбы», «Берег надежды», «Бухта желания», «Светлые ночи», «Золотой круг», «Сага о Севере». Особое место занимает в творчестве писателя документально-биографические и исторические романы и повести о русском путешественнике и исследователе Севера Иване Дементьевиче Черском, продолжателе дела многих поколений русских землепроходцев.

Путешествие экспедиции И.Д. Черского от Якутска до Верхней Колымы в книге А.И. Алдан-Семенова выстраивается по линейному принципу, развертывая эпизоды, включающие впечатляющие пейзажи, описание переправы через реки, подъемы на безымянные горные хребты, чудовищную картину лесного пожара. Рефреном к событийной составляющей произведения служит высказывание путешественника-первооткрывателя: «Если бы люди не путешествовали, как бы узнали они о красоте и величии мира?»

Заключение и обсуждение

Анализ пространственной поэтики произведений русской литературы выявляет значимость оппозиций *свой/чужой*, *культурный/дикий*, *сакральный/бытовой*, *смерть/воскресение*. Формирование стереотипов восприятия Якутска и северо-востока Якутии как места страдания и тоски по утраченной родине начинается в романтической парадигме, представленной, в частности, поэмой К.Ф. Рылеева «Войнаровский». Поэма манифестирует два различных аспекта воссоздания геообраза, с одной стороны – обусловленный вынужденным путешествием-ссылкой, с другой – путешествием-экспедицией. Внутреннее состояние Войнаровского влияет на топофобию как составляющую геообраза Якутска, воспринимаемого места печали и одиночества. Установка Миллера на познание неведомого края создает топофилию, представляя пространство Якутии объектом научного интереса и исследования. Вследствии этого, наряду с мотивами, характеризующими негативное восприятие пространства, присутствуют представления об уникальности, мощи, радушии, богатстве как значимых признаках особой сибирской/якутской цивилизации. Подобное видение развернуто в очерковой прозе А.А. Бестужева, позднее – И.А. Гончарова, впервые выявившего в облике природного сибиряка-якутянина мотивы «свободы», «физического здоровья», «доброты», «щедрости», «гостеприимства». В прозе и поэзии 1960–1990-х годов запечатлелись как негативные геообразы Яно-Колымского региона Якутии, так и образы идиллического пространства далекой «малой» родины. Вместе с тем основой ярких образов-символов сопротивления злу, жизненной стойкости, преодоления смерти и страдания становятся образы якутской природы (кедровый стланик, ветка лиственницы). Документально-биографическая проза А.И. Алдан-Семенова создает выразительный портрет русского путешественника, землепроходца, открывателя новых земель. Необходимость постижения красоты мира посредством путешествия является условием преодоления негативного сценария жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература. 504 с.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб. 704 с.
3. Топоров В.Н. 1994 Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исслед. в обл. мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс: Культура. 624 с.
4. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: «Школа» Языки русской культуры». 360 с.
5. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
6. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. 2011 Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития – М.: Известия РАН. Сер. геогр. №5. С. 97–108.
7. Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. – М.: Институт Наследия, 2010. – 330 с.
8. Рылеев К.Ф. Войнаровский [Электронный ресурс]: «Собрание классики» (Lib.ru/Классика) – URL:http://az.lib.ru/r/ryleew_k_f/text_0010.shtml.
9. Замятин Д.Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства. – Социологические исследования. – 2002. – № 2. – С. 12–23.
10. Чуковская Л.К. Декабристы – исследователи Сибири. М., 1951 [Электронный ресурс]: EBook 2016 URL: https://imwerden.de/pdf/chukovskaya_dekabristy_issledovatel_i_sibiri_1951_text.pdf.
11. Гончаров И.А. По Восточной Сибири. В Якутске и Иркутске [Электронный ресурс]: «Собрание классики» (Lib.ru/Классика) URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0300.shtml.
12. Алдан-Семенов А.И. Черский. – М.: Молодая гвардия, 1962.

Rumyantseva Lena Innokentevna

M.K. Ammosov north-eastern federal university, Yakutsk, Russia

E-mail: rumlena162@mail.ru

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=918920

Spatial poetics of Russian literature about Yakutia

Abstract. This article reveals the features of the embodiment of the spatial paradigm of Yakutia in significant texts of Russian and Yakut literature, taking into account the modern interdisciplinary approach to the study of the space-time continuum of the work. The study of the features of spatial poetics of the text required an appeal to fundamental works on spacial poetics by M.M. Bakhtin, Yu.M. Lotman, V.N. Toporov, B.A. Uspensky, the latest interdisciplinary concepts of the cultural landscape and semantics of the geoscience Yu.A. Vedenin, V.L. Kagansky, V.N. Kalutskova On the material of the works of K. Ryleev, I. Goncharov, spatial models are described that determine the features of the spatial picture of Yakutia in Russian literature. The author presents an analysis of the structure of the geoparticles of Yakutsk, their properties are determined. It was established that the romantic context of Ryleev's poem «Voinarovsky», thanks to the introduction of different types of characters, combines the features of forced travel-exile and travel-expedition, forming, on the one hand, the situation of topophobia and topophilia – on the other hand. The essays of I.A. Goncharov recreate a realistic picture of the life and morals of Yakutsk of the XIX century. The leitmotifs «cold», «savagery» «gloomy» inherent in the perception of the hero Ryleev in the essays, are replaced by the motifs «good-natured», «health», «energy» inherent in «natural Syrians» and Yakuts. In the literature of the twentieth century, the northeast of Yakutia acts as the embodiment of power and natural wealth and as a place of exile, hard labor. Creative reflection in the artistic and autobiographical works of V. Shalamov, A. Zhigulin and other writers who passed through the GULAG is due to the need to overcome personal negative experience, in this regard, the motives of suffering and craving for life, death and resurrection prevail in poems and prose.

Keywords: spacial poetics; spatial model; geoimage; topophilia; topophobia; Yakutia; Russian literature